

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:

ИССЛЕДОВАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ПУБЛИКАЦИИ

М. Н. МУРАВЬЕВ:
ВВЕДЕНИЕ В ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

КНИГА I

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Т 58

Федеральная программа книгоиздания России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)

проект 98-06-87084

Топоров В. Н.

Т 58

Из истории русской литературы. Том II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 912 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0083-1

Настоящая книга представляет собой первую часть II тома «Из истории русской литературы». Вместе со второй частью она составляет монографию «М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие», посвященную многообразной деятельности этого писателя, проявившего себя в художественной литературе, в разных областях знания, в плодотворной общественной и государственной деятельности.

В книге содержится исследование драматургии и прозы Муравьева, а также публикуется ряд произведений писателя, оставшихся в рукописи. Особый акцент делается на новаторстве Муравьева в развитии прозы в русской литературе конца XVIII века.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Владимир Николаевич Топоров

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Том II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:

ИССЛЕДОВАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ПУБЛИКАЦИИ

М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие

Книга I

Издатель А. Кошелев

Корректоры Л. В. Абрамова, Д. Я. Адлейба

Подписано в печать 10.11.2000. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.

Усл. п. л. 73,53. Заказ № 895

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для а6. М153). E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

© В. Н. Топоров, 2001

© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

<i>Предисловие. О судьбе М. Н. Муравьева и его наследия</i>	
Об этой книге. О перспективах муравьевоведения	11
А. ДРАМАТУРГИЯ М. Н. МУРАВЬЕВА	27
И. Неоконченная трагедия М. Н. Муравьева «Болеслав»	29
1. Вступление.— Творческая ситуация.— Выбор, план, неосуществленный замысел	31
2. Историческая ситуация	38
3. «Болеслав». Тексты (публикация)	40
а. Рукопись А	40
б. Рукопись В	55
Текстологический комментарий	59
с. Черновые автографы к трагедии «Болеслав»	60
д. «Болеслав», трагедия. Отрывок с замечаниями автора о работе над этим произведением [1775 г.] и [1779 г.]— Автографы	63
е. «Болеслав, король Польский» (стихотворение М. Н. Муравьева) .	67
ф. Сравнительный текстологический комментарий (А и В, А и А1) .	70
4. Источники трагедии «Болеслав»	85
а. «Летопись Гербуртова» (Герборд) и «Хроника» Галла Анонима . .	88
б. «Еминова История» («Российская История» Федора Эмина) . . .	91
с. «История Польская» Солиньяка	103
д. «Болеславовы» версии Солиньяка и Эмина и «Болеслав» М. Н. Муравьева	108
е. «Аделаида» Вольтера	113
ф. Трагедии И.-Э. Шлегеля	136
«Германн» Шлегеля и «Анналы» Тацита	138
«Германн» Шлегеля и «Арминий» Кампистрона	146
«Канут» Шлегеля	150
«Хроника» Гельмольда	153
г. Типологические параллели к «Болеславу» в трагедиях Сумарокова «Хорев», «Синав и Трувор», «Мстислав»	162

h. Русская стихотворная трагедия второй половины XVIII века и «Болеслав»	168
5. О некоторых особенностях структуры трагедии «Болеслав»	171
a. Установка на «историчность». — Отбор реального исторического материала	171
b. Персонажный состав	176
c. Имена персонажей	181
d. Синтагматическая проекция персонажной парадигмы. Композиция. Действие	185
e. Соотношение версий А и В с точки зрения структуры трагедии	211
f. Стих. Ритмика	218
g. Рифма	222
h. Соотношение стиха и предложения	228
i. Элементарные образы	229
j. Двучленные оппозитивные конструкции	233
k. «Болеславов» текст М. Н. Муравьева	235
l. К реконструкции замысла «Болеслава»	238
<i>Приложение 1. Муравьев и Вольтер</i> (из истории русской «вольтерианы» 60—70-ых годов XVIII века)	240
<i>Приложение 2. Муравьев и Сумароков: несколько замечаний</i>	265
II. Другие драматургические опыты М. Н. Муравьева	303
1. «Простосердечная, или Сила первой склонности»	306
2. К «Лизиному» тексту у Муравьева	326
3. «Лизины письма»	332
4. «Добродетельная ложь»	338
5. «Добросердечный»	348
6. «Добрый барин»	354
7. «Сказочка, писанная в Никольском»	366
8. Другие тексты из рукописи РГБ ОР Ф. 298. IV	370
В. ПРОЗА М. Н. МУРАВЬЕВА	381
1. На пороге романа. Эпистолярная трилогия: «Эмилиевы письма», «Обитатель предместия», «Берновские письма»	386
2. «Эмилиевы письма»	400
3. «Обитатель предместия»	445
4. «Берновские письма»	478

5. В пространстве трилогии	517
5а. «Феоны» цикл (текст)	565
I.a. «Феона»	570
I.b. «Утро»	573
I.c. «[Управитель Феоны]»	575
I.d. «После обеда»	577
I.e. «[Общество Феоны]»	578
I.f. «[Осень]»	580
I.g. «[Алетов]»	582
I.h. Продолжение	584
I.i. «[Без заглавия]»	585
II.a. «Утренняя прогулка»	590
II.b. «Тетрадь для сочинений»	594
II.c. «Доброе дитя»	601
<i>Приложение</i>	609
6. Освоение пространства (тексты «передвижений»)	617
а. набросок прогулки по Петербургу	618
b. Поездки по России	621
c. «Журнал путешествия в Оренбург»	622
d. «Путешествие в Москву»	623
e. «Путешествие в Архангельск» («Три письма»)	624
f. наброски к «Трем письмам»	633
g. «Путешествие праздного человека. Новгород. Тверь. Москва. Коломна. Рязань» [«The idle traveller»]	636
h. «Евандров» текст	643
1. «Евандрово младенчество. Древняя повесть»	644
2. «Продолжение Евандровой повести»	645
3. «Примечание (Прибавление)»	647
4. Приложение: «Воспитанник немого»	648
7. Тексты «цивилизации» и «нравственности»	663
А. Под-текст «цивилизации»	663
а. «Противоположение дикости и просвещения»	663
b. «Героические времена»	665
c. «Греческие установления»	667
d. Приложение. «О благосостоянии земледельца»	669
e. «Установление гражданского общества в Греции»	673
f. «Путешествие Анахарсиса»	673
g. «Успехи человеческого разума»	676
h. «Успехи учения»	679
В. Под-текст нравственности	683
а. «Нравоучение»	683

b. «Черты нравоучения»	685
c. «О нравственном законе».	693
d. «Начало нравственных деяний»	694
e. «Нравственное одобрение».	696
f. «Владычество нравоучения»	696
g. «Нравственное чувство»	698
h. «Удовольствие и скорбь».	699
i. «Любовь к самому себе».	700
j. «Любовь удовольствия».	701
k. «Насильственные страсти».	701
l. «Владычество над самим собою»	702
8. Под-текст «з а к о н а и п р а в а»	713
a. «Округ законоучения»	713
b. «Гражданские установления».	714
c. «О законодательной власти»	715
d. «Законодатели».	716
e. «Польза законов и мира»	717
9. Под-текст «ч е л о в е к а» («антропный» текст).	720
a. «Право лиц».	720
b. «Право вещей»	721
c. «Предложение»	722
d. «Достоинство человека»	723
e. «Общее благоволение к человеческому роду»	726
f. «Общество добрых людей»	728
g. «Домашнее благополучие»	729
h. «Общежительность»	730
i. «Вольность»	731
j. «Симпатия»	733
k. «Внутреннее сознание, второй источник понятий»	735
l. «Совокупление идей»	736
m. «Забавы воображения».	737
n. «Понятие благородства»	738
10. Под-текст «п р и р о д ы»	742
a. «Зрелище природы»	742
b. «Восхождение солнца»	745
11. Текст «и с т о р и и»	747
a. История России.	747
b. Мировая история (античный мир и Западная Европа)	748
c. Уроки истории (типология исторических процессов и ситуаций).	748

d. «Разговоры мертвых»	750
e. «Пример Государя»	753
f. М. Н. Муравьев-историк.— «Опыты истории»	755
<i>Приложение.</i> Карамзин в письмах к М. Н. Муравьеву (1803–1807 гг.)	759
12. Текст «я з ы к а и п и с ь м е н».	778
a. «Предпочтение природного языка»	779
b. «Взгляд на историю письмен»	780
c. «История изящных письмен Российских»	782
d. «О свойстве и происхождении языков»	783
e. «Понятие риторики»	783
f. «О слоге». — «Красноречие»	784
g. «Отрывки об эпическом стихотворстве». — «О пастушеском стихотворстве»	785
13. Иные тексты (точные науки, военное дело, экономика, статистика; эпистолярный; философия и др.)	791
14. Повесть М. Н. Муравьева «О с к о л ь д»: из истории русского оссианизма	805
<i>Приложение 1.</i> Словарь эпитетов в повести М. Н. Муравьева «Оскольд»	842
<i>Приложение 2.</i> Слово <i>бард</i> — «освоение чужого»	860
15. «Дщицы для записывания»	891
<i>Иллюстрации</i>	906

ПРЕДИСЛОВИЕ

О судьбе М. Н. Муравьева. Об этой книге. О перспективах муравьевоведения

Более полувека тому назад, летом 1947 года, по окончании первого курса филологического факультета Московского Университета, автор этих строк в Исторической библиотеке, перелистывая венгеровскую антологию русской поэзии XVIII века, впервые встретился со стихами Михаила Никитича Муравьева, о котором до тех пор знал, собственно, лишь то, о чем писал Г. А. Гуковский в его книге 1938 года. Встреча эта была впечатляющей и счастливой. Такова предистория читательского, а позже и исследовательского интереса к поэзии Муравьева, а потом и к его прозе, ко всему его творческому наследию, к самой фигуре этого удивительного человека.

Удивительного в разных отношениях, в частности, и в том, что для писателя обычно оказывается главным,—связь с читателем и судьба собственного творческого наследия. В писательской судьбе Муравьева удивляет многое, и прежде всего нередкое несоответствие ожидаемому читателем, известная парадоксальность выбора, делаемого писателем, и—может показаться (притом, забегая вперед, неверно)—равнодушие или беззаботность, с которыми Муравьев отнесся к своему пути в литературе, к собственному творческому наследию, к надеждам и ожиданиям тех, кто ценил его.

Если иметь в виду главное, то речь могла бы идти о трех парадоксах, в известной степени связанных друг с другом. В о-п е р в ы х, обращает на себя внимание, что Муравьев активно и охотно издает ранние свои книги, обнаруживая при этом некоторую торопливость и небрежность. Автору 15—17 лет. Ему льстит быть напечатанным. Мелочи его не очень смущают. О суде времени сейчас он не думает и не задумывается над тем, что эти первые опыты некогда будут зачислены в разряд *juvenilia*. Пока же издания следуют одно за другим, как из рога изобилия: 1773—«Басни лейб-гвардии Измайловского полку фурьера Михайлы Муравьева» (ка-

ким заманчивым казалось, видимо, автору это лейб-гвардии фурыерство!) и «Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михайла Муравьева»; 1774—«Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову», «Гражданская брань» (перевод фрагмента петровниевского «Сатирикона»), «Военная песнь» (большое стихотворение, в типографских документах громко называемое поэмой), «Ода Его Императорскому Величеству Государыне Екатерине II, Императрице Всероссийской, на замирение России с Портой Оттоманскою»; 1775—«Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михайла Муравьева 1775 года». В 70-ые же годы Муравьев печатается в ряде периодических изданий— в «Трудах Вольного Российского собрания при Московском Университете», «Опыте трудов Вольного Российского собрания», «Утреннем свете», «Модном Ежемесячном издании», «Санктпетербургском Вестнике», «Санктпетербургских ученых ведомостях», «Академических Известиях» (позже и в «Новых Ежемесячных сочинениях», в «Аонидах»). Однако с середины 70-ых годов Муравьев, который был уже автором целого ряда стихотворений из числа лучших его достижений («Скоротечность жизни», «Неизвестность жизни», «Письмо к А. М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны», «Опыт о стихотворстве», «Время»— все 1775 года, «Эпистола к Н. Р. Р.***», 1776 и др.), и далее на полтора десятилетия перестает издаваться без каких-либо видимых причин (а если все-таки печатается, то редко и, главное, анонимно: лишь друзья знают, кто автор этих анонимных творений). Невидимые же причины коренились в самом авторе. Душевный кризис рубежа 70—80-ых годов лишь отчасти мог бы объяснить это решение: оно созрело явно раньше. Позднее стихотворение «Оборот на себя» (11 августа 1803 года, Стрельна), в котором он строго оценивает свою поэзию, свидетельствует что все-таки и он среди своих братьев «не безславен», и, следовательно, как бы имеет право предстать перед читателем, но правом этим, однако, не пользуется:

Слог легкой, ненарядной,
 Красы, которые родятся под пером,—
 Тако есть музы вид, ленивой и покладной,
 Которая моим владеет мастерством.
 Не предлагает мне венцов на Геликоне
 Из гордых лавровых дерев,
 Которым севера не грозен рев,
 Но хочет усыпить цветов весенних в лоне,
 Под шумом листвиен и падающих вод.
 И то еще отрадной плод
 Со музой моего в дни юны обхожденья

В уединении нежнейших лет моих.
И падает еще с пера небрежной стих,
Хотя Карамзину, Державину не равен,
Но в обществе певцов российских не безславен.
Еще последую во тайные пути
За собеседником Виргиля, Мецената
И важных прениях Сената
Я забавляюся стихи свои плести.

В 70-ые же годы и в начале 80-ых Муравьев готовит сборники своих стихов (ср. автограф сборника «*Pièces fugitives*», хранящийся в РГБ [ГПБ], автограф сборника «Новые лирические опыты Михайла Муравьева». 1776 [РГБ], авторизованный список «Собрания стихотворений» [ГИМ, собрание Черткова]), но и они остаются неизданными. Лишь в 1791 году, когда умер высокочтимый им и преследуемый властью Княжнин, Муравьев издал свои «Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина», напечатав их на отдельных листах (они были перепечатаны в том же году в номере 56 «Новых Ежемесячных сочинений»). Несколько иная ситуация была с прозой, но и она немногим в конце концов отличалась от описанного положения с публикацией стихов. Когда Михаил Никитич был назначен воспитателем к великим князьям Константину и Александру и кроме того начал преподавание им русской истории, русской словесности и нравственной философии, некоторые его тексты («Эпохи российской истории», «Собрание писем различных творцов, древних и новых», «Разговоры мертвых», «Нравственные изображения» и др.) должны были печататься в качестве учебных пособий, но печатались они по заказу двора в типографии И. Вейтбрехта (в основном на рубеже 80—90-ых годов) всего в нескольких экземплярах и не выходили за пределы самого узкого круга лиц при дворе Екатерины II, оставаясь вовсе неизвестными вне этого круга (собственно говоря, и теперь неизвестен полный состав этих изданий и, видимо, не все они вообще сохранились). Но и художественная проза Муравьева, просочившаяся в тот же короткий отрезок времени в печать, выходила такими мелкими тиражами (вероятно, по той же причине предназначенности этих сочинений для нравственного развития царственных отроков), что прошла практически незамеченной ни читателями, ни — практически — русской литературой того времени. Это относится не только к пьесе «Доброе дитя. Драматическая сказочка» (1789), но и к двум текстам, представлявшим собою новое слово в русской литературе — «Обитатель предместья. Периодические Листы» (1790) и «Эмилиевы письма.— Тетрадь для сочинений» (1790), вышедшим в Императорской типографии. Их реальная встреча с читателем была отсрочена на четверть века. Примерно то же можно сказать и о повести «Оскольд», на-

писанной, вероятно, во второй половине 90-ых годов и изданной уже по-смертно. Несколько счастливее была судьба «Опытов истории, письмен и нравоучения», напечатанных в 1796 году в немногих экземплярах и потребовавших перепечатки в 1810 году.

Если отвлечься от того, что известно о творческом наследии М. Н. Муравьева на сегодняшний день и взглянуть на то, что вышло из печати при его жизни, то окажется, что соотношение между первым и вторым разительно и едва ли встречается у кого-либо из сколько-нибудь известных писателей XVIII века: издано было, особенно если не учитывать самые ранние издания и заведомо незрелые их стихи, очень мало, не издано — очень много и, что тем более важно, безусловно лучшее в творческом наследии писателя. Контраст окажется еще разительнее, если вспомнить, что до сих пор неизданные тексты Муравьева — рукописи, хранящиеся в целом ряде архивов, — по объему едва ли уступают уже опубликованному, а скорее всего превосходят его. Эти итоги можно было бы считать трагедией писателя, если бы у него не было других не менее важных и ответственных задач, которые он с поразительной полнотой, тщанием, добросовестностью воплотил в жизнь.

Следствием этого «во-первых» является то «во-вторых», которое состоит в решительном несоответствии места Муравьева в литературе его времени и в «открытой», реальной истории русской литературы и его места в той «идеальной» God's truth — истории литературы, где упразднено противопоставление между «открытым», явным, реальным и закрытым, тайным, идеальным. Впрочем, сказанное не означает, что творческое наследие Муравьева вообще не было востребовано русской литературой. Это не так и даже совсем не так, но тоже несет на себе отпечаток парадоксальности. В отличие от обычной ситуации, когда объектом влияния становятся эпигоны или, осторожнее, писатели-«средняки», Муравьев влиял на лучших из лучших, которые много взяли у него и одни еще при его жизни, а другие и после его смерти несомненно превзошли его, помня о роли, сыгранной им и храня благодарность ему и его ненавязчивым урокам.

И здесь возникает «в-третьих» — парадоксы славы и забвения Муравьева и его поэзии, исследовательского интереса к нему и почти полного равнодушия, выпадения из сферы внимания. Предстателями за Муравьева перед духом-судьей русской поэзии и ее истории оказываются пятеро лучших — и более того — великих русских писателей с рубежа 70—80-ых годов XVIII века по 20-ые годы XIX-го — Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин. О том, что все они ценили Муравьева, более или менее известно, но выводы, соответствующие важности этого, строго говоря, не делались, хотя едва ли о ком-нибудь из писателей XVIII века можно сказать подобное: лучших из них оценивали те,

которые уступали им и в даровании, и в том, что ими было сделано в литературе. После «темного» периода (1773—начало XIX века), когда Муравьева не замечали кроме, правда, одного, но весьма значимого исключения (современный исследователь отмечает, что «поворотным пунктом» в биографии Державина стало знакомство его в 1779 году в львовском кружке со стихами Муравьева, позволившее будущему «певцу Фелицы» уяснить себе, что стихи должны быть «не следованием образцам», но «выражением поэтической индивидуальности»), к Муравьеву пришла посмертная слава в 1810—1820-ые годы (хотя еще при его жизни, в 1803 году, И. И. Дмитриев успел проницательно заметить—*Я лучшей не могу хвалы ему сказать: / Мать дочери велит труды его читать.*—«К портрету М. Н. Муравьева»). Знаки ее—издания основных текстов Муравьева, открывших писателя совершенно в новом свете,—«Опыты истории, словесности и нравоучения» (I—II. М., 1810), «Обитатель предместия и Эмилиевы Письма» (СПб., 1815), «Полное собрание сочинений» (I—III. СПб., 1819—1820). В двух последних изданиях деятельное участие принимали лучшие писатели этого времени—Карамзин, Жуковский, Батюшков. В 1819 году в качестве предисловия к первому тому «Полного собрания сочинений» Муравьева появляется «Письмо к И. М. М. А. О сочинениях г. Муравьева», первый и весьма авторитетный обзор-характеристика художественного творчества Муравьева. В конце 1826 или в начале 1827 года Жуковский составил для А. И. Тургенева конспект по истории русской литературы, изданный, правда, много позже, в 1948 году. Отметив небезупречную чистоту языка сочинений Муравьева и его зависимость от французских образцов, Жуковский отмечает главное—кратко, выразительно, проницательно:

Mais il est plein d'idées et surtout d'images. On sent en le lisant qu'il est nourri de tout ce qui est beau en littérature ancienne et moderne. Et dans tout ce qu'il a écrit perce un belle âme, tout est marqué du sceau de la pureté et *** de l'amour du bien. Il a peu agi sur ses contemporains, car il n'a presque rien imprimé. Ses oeuvres ont paru bien longtemps [так!—В. Т.] après sa mort. Par ses lumières il était bien au dessus de son tems [так!—В. Т.]

[*** В рукописи начато—d'une philosophie douce et le]

Но и в более ранних письмах к А. И. Тургеневу (февраль 1807, 7 ноября 1810, сентябрь 1814, 20 октября 1814) Жуковский неоднократно упоминает Муравьева, замечая между прочим: «Он [Батюшков.—В. Т.] напрасно журит меня за Муравьева. Поправленный список его стихов отдан был, если не ошибаюсь, в Москве ему или по почте ему же доставлен. Беда бы не велика, но вот что больше беды: я потерял поправки, и надобно снова приниматься за эту работу. Напомни ему, что я должен был писать жизнь Муравьева, что для этого надобно было мне иметь

сведения о его обстоятельствах, что этих сведений нельзя почерпнуть из тех бумаг его, которые у меня, что я просил его же [...] мне эти сведения доставить! Бумаги все целы: успокой на счет их Екатерину Федоровну [вдову М. Н. Муравьева.—В. Т.]» (письмо от 20 октября 1814 года, из Белева).

И, наконец, Пушкин, который, как пишет уже упоминавшийся исследователь, «чуть ли не наизусть знал доступные ему стихи Муравьева [...] и неоднократно применял их как явные или скрытые цитаты в своих произведениях» в том числе и из неопубликованной трагедии Муравьева «Болеслав». Нужно отметить, что в «Руслане и Людмиле», особенно в том, что касается персонажей и общего колорита, несомненно, называется хорошее знакомство с «северной» повестью Муравьева «Оскольд», опубликованной в 1810 году в «Вестнике Европы». Наконец, есть основания думать, что «муравьевский» слой в творчестве Пушкина обширнее и что дальнейшие исследования разъяснят конкретные пути рецепции им художественного наследия Муравьева.

Годы высокой оценки Муравьева окончились на рубеже 20—30-ых годов XIX века, и забвение продолжалось не менее века—до середины 30-ых годов XX века. За это время можно отметить лишь четыре-пять статей или упоминаний о Муравьеве в книгах, почти не касающихся его художественных произведений. По-настоящему ценной нужно считать обстоятельную статью Н. П. Жинкина, посвященную биографии Муравьева.

Оживление исследовательского интереса к фигуре Муравьева началось, как уже говорилось, с конца 30-ых годов, когда Г. А. Гуковский в работе «У истоков русского романтизма», вошедшей в его «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли» (Л., 1938), не только напомнил о полузабытом писателе, но и обозначил то новое, что он внес в русскую литературу, указав на его место в истории русской литературы. В следующем году появилась обстоятельная и весьма полезная статья Л. И. Кулаковой о Муравьеве. После войны она продолжила успешные исследования творчества этого писателя и его места в истории русской эстетической мысли XVIII века, и именно ее трудам мы обязаны более чем кому-либо иному тем, что не только был перекинут мостик в исследованиях Муравьева между довоенным и послевоенным временем, но и были заложены прочные основы научного муравьевоведения и впервые с большой полнотой и высокой компетенцией была собрана и издана поэзия Муравьева. С рубежа 50—60-ых годов и вплоть до настоящего времени наблюдается процесс последовательного и все более интенсивного вовлечения специалистов в изучение творчества Муравьева. За этот период в России (прежде всего), но отчасти и за рубежом (Италия, Франция, США, Венгрия) не менее трех десятков исследователей занималось Муравьевым. Количественный результат этих занятий—несколько де-

сятков работ, посвященных писателю и ряд публикаций его текстов — как стихотворных, так и прозаических. Качественно уровень исследований таков, что позволил выяснить значительное число «темных» вопросов, связанных с изучением творчества Муравьева, и теперь есть достаточно аргументов, чтобы говорить о надежных основаниях современного муравьеведения. Среди авторов наиболее ценных работ в «послекулаковский» период — Р. М. Лазарчук, В. Д. Левин, Л. А. Алехина, И. Ю. Фоменко, Л. Росси, Н. Д. Кочеткова, Г. А. Космолинская, В. А. Западов, Н. Букс, М. Тетени, А. Л. Зорин и др.

Михаил Никитич Муравьев был человеком поразительного многообразия знаний, интересов, талантов. Блистательный деятель высокого Просвещения в России, он, кажется, не имел в его время равных себе по универсализму, синтетическим дарованиям, по захваченности страстью познания и раскрывающейся перед его духовным взором картиной торжествующего знания, процветающей жизни, добродетели, нравственности. Вся его жизнь была одушевленным и одушевляющим порывом к благу, к свету, которые мыслились где-то совсем близко, рукой подать. Конечно, в такой устремленности мысли было нечто неотразимо привлекательное, идеальное, чистое, святое, хотя для достижения этого царства разума и нравственности Муравьев трудился в практической сфере с большой трезвостью и весьма успешно. Если бы он прожил дольше (а он скончался не дожив и до пятидесяти), уже в поколении детей он увидел бы блестящие, хотя нередко и горькие плоды высоких замыслов. Но Бог миловал его, и он не увидел этих плодов, хотя и почувствовал неприятную резкость набирающего силу ветерка новой эпохи. Эти плоды увидели и вкусили их его сыновья и их товарищи.

Разнообразие занятий и интересов Муравьева поражает. Конечно, прежде всего он писатель, а в его писательстве главное — сфера художественного. Здесь он успел сделать очень многое, хотя часто пренебрегал доведением результатов до читателя. Муравьев писал стихи и прозу, большое внимание уделял драматургии и переводам с древнегреческого и латинского, с французского, итальянского и испанского, с немецкого и английского. Более шестидесяти авторов (только из числа установленных) были переведены им, не говоря уже о неустановленных. Среди них Гомер, Сафо, Анакреон, Софокл, Еврипид, Федр, Феокрит, Каллимах; — Вергилий, Гораций, Овидий, Катулл, Марциал, Проперций, Теренций, Лукреций, Сенека, Лукан; — Малерб, Корнель, Лафонтен, Буало, Сюдери, Ренье, Вольтер, Леонар; — Петрарка, Тассо, Метастазιο, Триссино; — Виланд, Гагедорн, Галлер, Эвальд Клейст, Клопшток, Флеминг, Иоганн Элиас Шлегель; — Шекспир, Мильтон, Поп, Томсон, Шеридан; — Кеведо. Но сферой художественного писательства Муравьева не ограничивалось. Он был автором многих работ по истории — рус-

ской и мировой (как античной, так и западноевропейской) литературы и проявлял особый интерес к типологии исторических процессов и ситуаций. Целый ряд текстов Муравьева посвящен цивилизационно-культурологическим проблемам, закону и праву, языку и литературе, «письменности», человеку и природе, философии и вопросам морали и нравственности. В ряде случаев он выходил за пределы гуманитарного круга и писал об экономике и статистике, о вопросах, связанных с компетенцией точных наук (математики и физики прежде всего), о военном деле и т. п. Особый интерес представляет эпистолярное наследие Муравьева — весьма содержательное и обширное, но пока лишь отчасти опубликованное. Но главное в писательской деятельности Муравьева, то, чем он обеспечил себе место в истории русской литературы, в самой совокупной книге русского словесного художественного творчества, — это его поэзия и проза, в которых он, преодолевший классицизм и первым введший русскую литературу в новое для нее пространство сентиментализма и «*poésie fugitive*», успел обозначить и следующий, уже XIX веку принадлежащий шаг в сторону предромантизма. В этой перспективе новаторов — при всех допустимых оговорках — он продолжает блестящий ряд Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Карамзина, многим обязанного своему старшему собрату в искусстве художественного слова.

Нельзя забывать и о том, что было сделано Муравьевым в практической сфере, предварительно напомнив и о его восхождении по ступеням официальной карьеры. Как военный он прошел всю лестницу чинов от фурыера и каптенармуса до генерал-майора, хотя, конечно, военное дело интересовало и занимало его скорее теоретически как одна из сфер человеческой деятельности, особый вид специализированного знания. Едва ли люди, от которых зависело благополучие страны в военном отношении, обратили внимание на мысли и рекомендации Муравьева-гуманиста. Как и сейчас, им было не до этого. А между тем военная политика «первого консула» уже с середины 90-ых должна была бы внушать тревогу. Но не внушила именно тем, кому не вредно было бы увидеть во всю ширину военно-политический контекст эпохи. Упущенное восстановить не удалось. Тильзит оказался неизбежным, и — по преданию, — когда до Муравьева дошел слух о Тильзитском мире, позорном для России, он в разгаре своей многообразной деятельности неожиданно для всех умер.

Зато весьма успешной была деятельность Михаила Никитича на ниве практического просвещения, нравственного воспитания, организации университетского образования, науки, печатных изданий. Соответственно трудам и заслугам совершалось и карьерное восхождение — «кавалер» при великом князе Константине, воспитатель и учитель великих князей, действительный статский советник, тайный советник, сенатор, статс-сек-

ретарь по принятию прошений, товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского Университета, член Российской Академии, член Академии художеств, член ряда обществ при Московском Университете, почетный член Виленского Университета и Лейпцигского общества латинской литературы...

Из главных заслуг Муравьева на этой ниве помимо его писательской деятельности и ее культуртрегерской доминанты здесь сто́ит отметить лишь т р и П е р в а я. Именно Муравьев (наравне с Лагарпом) более всего способствовали наступлению «дней Александровых прекрасного начала» и продолжению лучшего в них впоследствии, несмотря на непоследовательность, откаты, срывы, противостояние «темных сил храма» и чиновных обскурантов. Это лучшее и новое — успехи гражданственности и либерализма, энергичная и плодотворная деятельность Министерства народного просвещения, это четыре новых университета (в Дерпте, 1802, Казани, 1804, Харькове, 1804, Петербурге, 1819), присоединившихся к одному существовавшему ранее, это новые формы образования — Лицеи (в Царском Селе, Ярославле, Нежине), соединявшие в себе университетский и гимназические курсы. Это широкое распространение гимназий и дальнейшее развитие сложившихся еще в царствование Екатерины II типов общеобразовательных школ, это европеизация общественной жизни и культуры, это освоение мирового пространства, это Крузенштерн, это «Вестник Европы», это фигуры Сперанского, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, это легкое веяние ветерка свободы, это все возрастающий круг новых идей, мыслей, чувств, мироощущения. Разумеется, всем этим Россия была обязана многим людям, чьи дела достойны благодарной памяти. Но в этих делах, точнее — деяниях, доля Муравьева весьма велика, особенно в том, что касается Московского Университета — в т о р а я его заслуга. Ему посвятил Муравьев, некогда учившийся здесь, последние четыре года своей жизни. Энергия и разнообразие направлений, в которых он действовал, обилие планов на ближайшее будущее поражают воображение. Муравьев понимал, что Университет отстает от требований, предъявляемых жизнью, и потребностей просвещения и науки, что сама организация преподавания весьма несовершенна, что преподавательский состав оставляет желать лучшего, что отдача, которую вправе ожидать от окончивших Университет, не соответствует целям и уровню современного высшего образования. Для улучшения образования в Университете Муравьев широко приглашал новых профессоров, предлагая, в частности, обратить усиленное внимание на переводы и подготовку к переводческой деятельности студентов, не говоря, конечно, о вовлечении в эту деятельность и профессоров. Когда речь заходила о деле, этот мягкий и деликатный человек умел становиться энергичным, требовательным и практичным. Лишь один конкретный пример, позво-

ляющий как бы услышать голос самого Михаила Никитича: «Мечты возможностей. Наши молодые ученые переведут «Илиаду», «Одиссею», другие посвятятся историкам. Мы увидим в русской одежде Геродота (Ивашковский), Ксенофонта (Кошанский), Фукидида (Тимковский) [...] Спешить не надобно. Пусть десять, двадцать лет жизни употребят на сию работу полезную. Я буду требовать, чтобы более произвели знатоков греческого языка. Маттеи, Буле в состоянии это сделать». По инициативе Муравьева существенно пополнялась университетская библиотека, открылось несколько новых ученых обществ, среди которых были такие важные, как «Общество истории и древностей российских» и «Общество испытателей природы» (первое в мае 1804 года, второе — в сентябре того же года), существенным образом определившие лицо Московского Университета на долгие годы, были учреждены три журнала, издававшиеся при Университете, — «Московские ученые ведомости» (1805—1807), «Журнал изящных искусств» (1807), «Друг юношества» (1807). Именно по инициативе Муравьева при Университете были учреждены медицинские клиники и открыт Ботанический сад, существующий и поныне. Он же ввел чтение в стенах Университета публичных лекций для всех желающих. Его стараниями был выработан новый, более либеральный цензурный устав. Не приходится говорить, как много полезного сделал для Московского Университета Муравьев в делах, которые не могли быть решены без обращения к высокому петербургскому начальству. Неблагодарные потомки не сочли, однако, нужным почтить память такого человека.

И третья заслуга — решающая помощь Карамзину в создании условий, необходимых для работы над «Историей государства Российского» и ее издания.

За всем, что было сделано Муравьевым, стоит человек, и это человеческое обнаруживает себя и в его творчестве, в его делах, в самой его жизни, и поэтому о его человеческой сути можно судить и по делам его, по всему его жизненному пути, хотя бы отчасти, иногда и смутно. Но что бесспорно, Михаил Никитич был человеком открытым и общительным, на редкость доброжелательным и благорасположенным к людям. В нем была некая внутренняя тяга к людям, которая в годы юности и молодости в особенности могла в иных случаях производить даже и несколько комическое впечатление. Известны лишь редчайшие два-три случая, когда он позволял себе говорить о других (и, кажется, всегда с более чем достаточными основаниями) с неодобрением, притом только в письмах к отцу или сестре, где тайна этого неодобрения и сопутствующих этому чувств была обеспечена. Именно дружба, радость общения были основой его оптимизма, столь несомненного у него в молодые годы. У Муравьева было много друзей, точнее, людей, которых он считал своими друзьями и к которым он был искренне душевно привя-